

A man with a beard and a woman are shown in a close embrace, both wearing winter coats. A white dog is nestled between them. The background is a snowy residential street with houses and trees. The overall mood is warm and festive.

Оля

Это несец!

Саша
Черныкова

Саша Черникова

Оля, это песец!

«Автор»

2026

Черникова С.

Оля, это песец! / С. Черникова — «Автор», 2026

Оля едет в Сибирь, чтобы оставить сына бывшему мужу на зимние каникулы. Она не собиралась задерживаться, не собиралась вспоминать прошлое. И уж точно не собиралась подбирать на трассе белого щенка, который окажется песцом. Диким, не предназначенным для семьи, как и её бывший муж. Саша не ждал праздников и не был готов снова стать отцом, а не «папой на каникулах». Но метель закрывает дорогу. Им всем приходится встречать вместе Новый год и забыть прошлые обиды.

© Черникова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Оля	5
Глава 2. Саша	7
Глава 3. Оля	9
Глава 4. Саша	12
Глава 5. Оля	14
Глава 6. Саша	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Оля, это песец!

Глава 1. Оля

Дорога в Сибирь всегда спокойная, дающая время на подумать. Чёрный асфальт, белые обочины, редкие фары навстречу. Сын спал на заднем сиденье, поджав ноги, укрывшись пледом до подбородка. Я ловила себя на том, что еду слишком аккуратно, будто боялась ворваться на эту дикую территорию.

Я везла Илью к отцу.

План был простой: приехать в Тару. Оставить сына бывшему мужу на зимние каникулы. Улыбнуться, перетерпеть неловкость, вернуться в Краснодар. Солнце, пальмы, привычная жизнь. Без воспоминаний. Без Сибири. Без него.

Саша не просил привозить Илью, но я так сама захотела. Мы договорились сухо и правильно, как взрослые, которые уже однажды всё сломали и не хотят снова трогать острые края.

Я посмотрела в зеркало заднего вида. Сын дышал ровно, прижимая к груди старого плюшевого медведя. Того самого, которого Саша привёз ему ещё в прошлую зиму, будто пытался вложить в подарок всё, что не умел сказать словами.

Мне вдруг стало стыдно за то, что снова делю его жизнь пополам.

Снег повалил неожиданно. Сначала редкими хлопьями, ленивыми, как будто примеривался. Потом гуще. Я убавила скорость, сильнее вцепилась в руль и тогда увидела это.

Белый комок на обочине.

Я сначала подумала, что это пакет. Потом – что сугроб странной формы. И только когда фары выхватили два жёлтых глаза, я резко нажала на тормоз.

– Мам – сонно протянул Илья. – Что случилось?

– Ничего. Сиди в машине, ладно?

Я вышла из машины, и мороз ударил по лицу так, будто хотел загнать меня обратно в тачку. Снег скрипел под ногами, комок дрожал.

Щенок.

Маленький, белый, с пушистой мордой и мокрым носом. Он не лаял, не скулил. Просто смотрел на меня жалобно.

– Господи – выдохнула я и присела на корточки. – Кто ж тебя тут оставил, малыш?

Он сделал шаг ко мне. Потом ещё один. Осторожно, как будто знал, что я его последний шанс.

В этот момент я поняла, что всё: я уже остановилась, вышла, посмотрела на это чудо. И если сейчас просто уеду, потом себе не прощу.

Сын выскочил из машины с медведем под мышкой.

– Илья, ну я же просила...

– Мам, это собачка?

– Похоже на то – я протянула руки, и щенок сам ткнулся носом в ладони, и моё сердце окончательно дрогнуло.

Сын сел рядом на корточки, сияя.

– Мы можем взять его? Пожалуйста, мамулечка. Она же замёрзнет.

Я посмотрела на дорогу. На снег. На часы. На этот белый комок, который дрожал так же, как я когда-то в Таре, в чужом городе, в доме, который должен был стать моим.

– Домой в Краснодар мы его взять не сможем, – сказала я больше себе, чем сыну, чтобы не привязываться к собачке изначально. – Мы только доведём щенка до Тары.

Сын кивнул так быстро, будто боялся, что я передумаю.

Я посадила щенка на заднее сиденье рядом с сыном, подстелив ему плед. Он сразу затих, свернулся клубком. Доверие – страшная вещь. Оно обязывает.

Когда я снова села за руль, руки дрожали. Я не сразу поняла, почему.

Мне показалось или дорога стала уже?

Я ехала дальше, а внутри росло странное чувство, будто я свернула не там. Будто этот щенок – не случайность, а предупреждение. О том, что дикое нельзя просто так сделать домашним. Что за каждое спасение приходится платить.

Сын болтал на заднем сиденье – придумывал имя. Я не слушала. Я думала о доме Саши. О том, как он откроет дверь. О том, как посмотрит. О том, что я скажу.

Я думала, что еду показать Илье его родину, но всё сильнее ловила себя на мысли, а если на самом деле я еду проверить, смогу ли снова остаться живой там, откуда однажды сбежала?

Снег усиливался. Фары резали белую стену. Где-то впереди была Тара. Саша. И Новый год, который я не собиралась отмечать.

Я не знала тогда, что эта дорога уже решила за нас.

Глава 2. Саша

Я проснулся раньше будильника от ощущения счастья.

Сегодня они приедут.

Олька. Сын.

Я не видел её сколько? Год? Полтора? Мы созванивались всегда по делу. Перекидывались фразами, которые не цепляют. «Доехали?» – «Нормально.» – «Деньги перевёл.» – «Спасибо.» Будто между нами не было ничего, кроме банковского приложения и общего ребёнка.

Сын – другое. С ним я разговаривал чаще. Голос, смех, вопросы: «Пап, а у вас там медведи прямо по городу ходят?» Я отвечал, шутил. Врал, что у меня всё нормально. А сам каждый раз после звонка чувствовал, как в груди остаётся дырка.

Я встал, натянул штаны, прошёл на кухню. Пустой чайник, на столе – только нож и старая доска. Так и живу. Как будто холостяк, которому уже всё равно, что в доме нет кружек одинаковых, а полотенце одно на все случаи жизни.

Илюха будет здесь две недели.

Две недели – и всё моё «мне нормально» полетит к чёрту.

Я открыл холодильник, осмотрел содержимое. Сыну пельмени можно, конечно, но он любит блины. А блины я умею жарить только такие, которые едят разве что из вежливости.

Я усмехнулся самому себе, поставил чайник, открыл шкаф. Крупы, соль, сахар. Ни варенья, ни сгущёнки, ни конфет, ни хлопьев. Ничего детского.

Это раздражало.

Мне казалось, я правильно живу: работа, дом, порядок. А потом приезжает ребёнок, и выясняется, что порядок никому и не нужен.

Телефон завибрировал на столе.

Иван – мой друг и товарищ.

Я взял трубку.

– Ну что, папаша, – голос у него всегда был такой, будто он смеётся даже когда молчит.
– Волнуешься?

– Отвали.

– Значит, волнуешься, – он цокнул языком. – Я ж тебя знаю. Ты у нас как трактор. Тянешь, пока не заглохнешь.

Я выдохнул, посмотрел в окно. Снегу опять намело по колено. Сибирь умеет быть красивой так, что от этой красоты хочется ругаться матом.

– Оля просто оставит Илюху и уедет.

– Уедет, – повторил Иван. – А ты отпустишь?

Я молчал. Иван всегда бил туда, где тонко. И, зараза, делал это как будто в шутку, но было больно.

– Слушай, – продолжал он. – Я тебе могу помочь. Подвезти, встретить, продукты купить. Ёлку там... Гирлянды.

– Я не собирался отмечать Новый год, – отрезал я.

– Ты можешь не отмечать. А ребёнок? – сказал Иван спокойно. – Ты ж не хочешь, чтобы он запомнил твою хату как место, где холодно и пахнет, как в казарме?

Я резко стиснул зубы.

– У меня не «хата».

– Да мне пофиг, как ты свою берлогу называешь, – Иван коротко засмеялся. – Я говорю как есть. Ты нормальный мужик, Сань, но у тебя эмоции как снег – копятя молча. Потом лавина. Потом все охреневают.

Я опять посмотрел в окно. Небо было низкое, серое. Вроде спокойно, а внутри ощущение, что оно уже набухло.

– Ладно, – сказал я. – Если что, позвоню тебе. Спасибо, дружище!

Я сбросил звонок, выключил чайник и задумался. Рад ли я гостям?

Я хотел видеть сына – да. Это даже не обсуждается. Я хотел, чтобы он не чувствовал себя чужим. Хотел, чтобы он знал: у него есть папа. Не только в телефоне.

Оля с Олей сложнее.

Она была как юг – шумная, тёплая, нервная. В Таре ей всё казалось медленным. Люди – молчаливыми. Я – упрямым. Мы тогда ругались из-за ерунды, но каждый спор упирался в одно и то же: «поехали в Краснодар?» и моё: «не поеду».

Она говорила: «Там жизнь». Я отвечал: «А здесь что, смерть?»

И всё.

Развод без скандала – самый мерзкий развод, скажу я вам. Потому что никто не виноват, а больная правда всё равно остаётся. Я не ушёл к другой женщине. И Оля не изменила. Мы просто не смогли договориться, где нам жить.

Еле дождался вечера. Сто раз проверил, чисто ли в доме. Съездил за продуктами. Купил не то, что беру всегда, а "вкусняшек". Больше для сына, конечно.

Потом остановился у цветочного. Долго мялся, что мне вообще не свойственно. Купить Оле букет или нет? С одной стороны, хотел ей приятное сделать. С другой – подумает ещё, что я к ней подкатываю.

Потом решил, что мне плевать, что моя бывшая обо мне думает, и купил роскошный букет из гортензий. Раньше Оле они очень нравились.

Дома я разложил покупки, поставил в воду цветы. Включил гирлянду – просто проверить. Жёлтые огоньки вспыхнули и стало странно. Дом будто вздохнул.

Я выключил. Слишком рано. Слишком.

Телефон завибрировал.

Оля.

– Да.

Секунду там была тишина. Я слышал шум дороги, гул мотора, её дыхание.

– Саш, мы почти приехали, – сказала она наконец. – Ты просил сообщить, когда к городу будем подъезжать.

– Понял. Жду.

– Снег так валит, что не видно ни черта.

– Хочешь, я поеду вам навстречу, Оль?

– Да, нет, Саш. Нормально всё.

И в эту же секунду за окном воздух будто сорвался. Снег рванул стеной, резко. Метель дошла и сюда.

Я смотрел, как она начинает закрывать улицу, и понимал одну простую вещь: если трассу перекроют, Оля застрянет тут надолго.

И я не уверен, что выдержу это второй раз.

Глава 3. Оля

Когда я въехала в Тару, снег уже не шёл. Он валил.

Не падал, не кружился в изящном танце, как в новогодней рекламе. Ни фига. Он обрушивался на город сплошной, безразмерной массой. Как будто небеса разверзлись и снежная лавина рухнула оттуда вниз.

Дворники хлестали по стеклу, захлёбываясь, фары упирались в белую мглу и бессильно тухли в трёх метрах впереди. Казалось, дорога не просто сужается, она растворяется, втягивается обратно в чрево этой белой, молчаливой земли.

– Мам, это уже Тара? – голос сына, сонный и мягкий, прозвучал с заднего сиденья, как из другого измерения.

– Да, сынок, – ответила я, и этот звук собственного голоса, спокойный и ровный, удивил меня больше, чем слепящая стена за стеклом.

Семь лет здесь не была. Я уехала, когда Ильё исполнился годик. Он и не помнит ничего. А я вот, наоборот, ничего не забыла.

Этот город я бы узнала с закрытыми глазами, чисто по ощущениям. По запаху мороза, смешанного с дымом из труб. Не южного, сладковатого дыма, а резкого, угольного. По особой, звенящей тишине ночью.

Рядом с Ильёй зашевелилось. Белый пушистый комок с жёлтыми бусинками-глазами.

– Мам, а как мы назовём собачку?

– Потом, – буркнула я, ловя знакомый поворот. – Сначала доедем.

Сердце заколотилось не в груди, а где-то в горле, сухо и громко. Он стоял у ворот. Саша. Без шапки. Ветер трепал его тёмные волосы, куртка была растёгнута нараспашку, будто зимняя погода – это так, лёгкий бриз. Он стоял неподвижно, как столб, вмороженный в землю.

Я заглушила двигатель. Тишина, наступившая после воя мотора и дворников, оглушила. В ушах зазвенело. Я сидела, вцепившись в руль, чувствуя, как ладони становятся липкими. Этот момент, словно щель между мирами, между «тогда» и «сейчас», между «я уеду» и «я приехала», был самым страшным.

Илья выскочил первым из машины, как пуля.

– Папа!

Я вывалилась следом, но к бывшему мужу не рванула. Просто пока наблюдала со стороны, как Саша ломается. Словно ледяная корка, сковавшая его, трескается, освобождая его.

Он сделал два быстрых шага, наклонился, подхватил сына на руки, прижал к груди, уткнулся лицом в его куртку, закрыв глаза.

И я увидела, как скулы у него задрожали. Всего на секунду. Моё собственное сердце сжалось от щемящей радости.

Да. Саша – хороший отец. Просто мы с ним плохие муж и жена.

Потом он поднял на меня взгляд, не отпуская Илью. Глаза такие же серые, как тарское небо зимой. Глубокие, с морщинками у уголков, которых раньше не было.

– Привет, – сказал он.

– Привет, – выдохнула я, и слово вышло шершавым, как наждак.

Он слегка чмокнул меня в щёку, помог вытащить чемодан.

Я вытащила из салона щенка, чтобы занять дрожащие руки и отвлечься от неловкости, сковавшей меня в присутствии Саши.

– Смотри, какую собачку мы нашли на обочине, – показала я Саше белый комочек. – Милый, правда?

И тут лицо Саши изменилось совершенно. Он рассмеялся, обнажая ровный ряд бело-снежных зубов. Громко, раскатисто.

– Оля – произнёс он, с трудом продираясь через смех. – Это не собачка.

– Ты шутишь, Смринов? А кто это по-твоему? Кошечка?

– Оля, это песец. Щенок песца.

– О, господи! Ты уверен? – глупо спросила я, уже зная ответ.

– Уверен, – кивнул он, и взгляд его стал тяжёлым, укоряющим. – Ты хоть понимаешь, что привезла в город дикого зверя?

Понимала. В тот же миг. Но внутри поднялась знакомая, едкая волна старого упрямства. То самое чувство, из-за которого мы и ругались. Когда он говорил «нельзя», а я кричала «а я хочу!».

– Я понимаю, что он замёрз бы насмерть, – сказала я, поднимая подбородок. – И что мы не могли его бросить.

– А ещё он может быть заразен каким-нибудь бешенством или глистами.

– Он же маленький! – вступился Илья, цепляясь за Сашину куртку. – Он же хороший!

Саша вздохнул. Этот звук пронзил меня насквозь. Он провёл рукой по лицу, смахивая с него капли от снега.

– Ладно. Заходим. Потом разберёмся с вашим зоопарком.

Дом.

Тёплый, спёртый воздух, пахнувший старым деревом, Сашиним одеколоном и чистотой. Холостяцкой, нежилой чистотой. Я разулась, поставила ботинки аккуратненько у стены, как гостя, и тут же поймала на себе его взгляд. Он заметил эту нарочитую, вежливую чужеродность. Раньше я швыряла обувь куда попало, а он ворчал, подбирая.

Дом был как призрак.

Мебель – та же. Стены – те же. Но моё присутствие было стёрто, как карандашный рисунок ластиком. Ни моих дурацких вазочек, ни ярких лоскутных ковриков, ни следов моей неаккуратной, шумной жизни. Только порядок. Угрюмый, мужской, бездушный порядок.

Я выпустила песца на кухне. Он потянулся, обнюхал линолеум и сел, поджав изящные лапки, с достоинством принца, неожиданно попавшего в крестьянскую избу.

– И всё равно он милый, – сказала я, оправдываясь перед Сашиним молчаливым взглядом.

– Это дикое животное, – парировал Саша. – Дикое и опасное. Ты не смотри, что он малыш. Цапнет, и здравствуйте сорок уколов в живот! Ты этого хочешь, Оля? Хоть бы о ребёнке подумала, балда!

Илья пришёл на помощь своей непутёвой мамаше.

– Можно он у нас побудет? Папочка, пожалуйста?

Я посмотрела на Сашу. Он смотрел не на зверя, а на меня.

– Сам решай, – пожала я плечами. – Я же скоро уеду.

Фраза «я уеду» повисла между нами тяжёлой, неловкой глыбой. Я сказала это, чтобы обозначить границы. Чтобы напомнить ему и себе: это не навсегда.

Саша отвернулся, налил в миску молока, поставил на пол. Спина у него была напряжённая, широкая.

– Ты дорогу видела? – спросил он в стену. – Погоду?

Он коротко, беззвучно хмыкнул. Подошёл к окну, резким движением отодвинул штору. За стеклом не было ни двора, ни соседних домов. Только кипящая, белая тьма. Метель вошла в полную силу, обложила город со всех сторон.

– Обещают, что все трассы встанут.

Внутри у меня всё похолодело. Не страх даже. Предчувствие. То самое, что гналось за мной по всей дороге.

– Но я же – начала я и запнулась. – Но я же не останусь. Я же должна уехать .

– Может, сначала поужинаем? – предложил Саша. Он вышел из комнаты и вернулся с шикарным букетом гортензий. – Это тебе, – сунул мне в руки и тут же переключился на сына, как будто ему стало неловко за свой милый сюрприз. – Пойдём, сынок, я покажу тебе твою комнату.

– У меня будет своя комната? – радостно завопил сын.

– Ну, конечно! – усмехнулся Саша, и они пошли вверх по лестнице на второй этаж.

Я смотрела им в спины и улыбалась. Саша не забыл. Гортензии – мои любимые цветы. Всё-таки глубоко в душе он романтик.

Где-то очень глубоко.

Глава 4. Саша

Я смотрел на Олю и ловил себя на мысли, что мне проще было бы, если бы она уехала прямо сейчас. Сразу. Не разуваясь, не заноса в дом свой запах и этот южный, горячий взгляд, которым она умела резать меня до костей.

Потому что, если она останется, мне придётся вспоминать, как это: жить рядом с ней, дышать одним воздухом. Это было бы пыткой.

Не то что по телефону. Не в переписке про алименты и успеваемость сына. А вот так, в одном пространстве, где не спрячешься. Где каждый жест, каждое слово будет на острие ножа.

Сын носился по комнате, как маленький ураган, оживляя стены, которые никогда не слышали детского смеха. Оля увезла его отсюда совсем крошечным. И впервые привезла обратно.

Мы встречались всегда в Краснодаре, куда приезжал я сам. Снимал номер в гостинице, потому что Оля в гости не звала. Я всё понимал: личная жизнь и всё такое, поэтому и не навязывался.

Песец, чёрт бы его побрал, уже устроился у батареи в комнате Ильи, будто всегда здесь жил. Вытянул лапы, мордой уткнулся в тепло, время от времени поглядывал на нас умными, почти человеческими глазами.

– Пап, смотри, он меня понимает! – сын прыснул со смеху и снова присел рядом с белым зверьком.

Оля улыбнулась на секунду и тут же спрятала улыбку, словно ей стало стыдно, что она позволила себе этот миг естественности здесь, в моей берлоге, куда она приехала по делу, а не хихикать с бывшим.

Я почувствовал, как внутри что-то неприятно шевельнулось. Не злость. Не ревность. Страх, что мне понравится этот дом таким: живым, наполненным, тёплым. Что я привыкну к этим звукам, как однажды привык. А потом они уедут, и я останусь в этой оглушительной пустоте, которую сам себе так старательно выстроил и назвал «порядком». Пустоте, которая теперь будет в тысячу раз "пустее".

– Связь скачет, – сказала Оля, не поднимая глаз, будто разговаривая с телефоном. – Пишут, что трассу могут закрыть до утра.

– «Могут» – значит, закроют. Тут по-другому не бывает. Здесь всё или да, или нет. Полутонов не любят. Ну, куда ты в ночь собралась? Останься до утра хотя бы? Ты и так за рулём несколько дней.

Она, наконец, подняла взгляд. Спокойный. Ровный. Как у человека, который заранее решил не показывать слабость, не дать мне ни малейшего повода думать, что она рада или, наоборот, в ужасе от этой задержки.

– Я не хотела задерживаться, – сказала она.

Я кивнул. Будто принял к сведению. Будто мне было всё равно. Но внутри кольнуло, знакомо и больно.

Она всегда так говорила: «я не хотела». Как будто всё в её жизни случалось само по себе, без её воли. Как будто она просто жертва обстоятельств, а не человек, который однажды молча собрал чемодан и уехал в Краснодар, оставив мне на память пустой дом и детский смех, доносящийся из динамика телефона.

Ужин был тихой пыткой и странным счастьем одновременно. Я накрыл на стол впервые не для себя одного. Поставил тарелки, которые обычно пылились в шкафу. Достал ту самую сгущёнку и варенье, купленные утром.

Запёк утку, сварил на гарнир картошки, пожарил ещё сырники – корявые, неказистые, но от всей души. Оля молча помогала: резала хлеб, ставила чайник. Мы двигались по кухне, осторожно минуя друг друга, как два заряженных шара. Каждое случайное прикосновение – к

руке, к спине, когда протискивались у раковины – било током, от которого кровь прилиwała к вискам.

Мы сели. Трое. Как раньше. Илюха болтал без умолку, кормя песка под столом кусочками сырника. Оля сидела прямо, ела маленькими, аккуратными кусочками, смотрела в тарелку. А я я смотрел на них. И внутри происходило что-то невыносимое. Казалось бы, просто ужин. Просто семья за столом. Но для меня это было как вернуться в сон после долгого бодрствования. Каждая деталь – смех сына, то, как Оля откидывает волосы за ухо, пар от чашек, даже крошки на скатерти – всё это било по нервным окончаниям, напоминая: вот оно. Вот то, от чего ты отказался. Или то, что отказалось от тебя.

Я был счастлив. Дико, болезненно, предательски счастлив этими двадцатью минутами. И одновременно мне было непривычно до тошноты. Я не знал, куда деть руки, как правильно улыбаться, о чём говорить. Я боялся сказать что-то не то. Боялся, что Оля увидит, как я на неё смотрю, и поймёт, что я до сих пор люблю её, как до сих пор её хочу.

Не просто как женщину, хотя и это тоже, да, чёрт возьми! Но больше хочу её смех постоянно, хочу её усталость вечером, хочу её раздражение по утрам.

Дурацкая, назойливая мысль поселилась в моей пьяной от счастья голове. Может, можно что-то сделать, чтобы Оля тоже осталась на каникулы вместе с Ильёй?

Глава 5. Оля

Я не спала почти всю ночь.

Лежала в Сашиной спальне и слушала, как за стеной он ворочается на диване в гостиной. Сначала пыталась убедить себя, что мне просто неудобно, что я не привыкла, что ветер и метель шумят на улице – любые объяснения, лишь бы не признавать очевидное.

Мне не давало уснуть не место, мне не давало уснуть присутствие Саши.

Он был рядом. За стеной. В одной квартире. И это ощущалось так, будто я снова вошла в прошлое, которое забыла закрыть на замок. Не как человек, приехавший по делу. А как женщина, которая слишком хорошо помнит, как он дышит, когда злится. Как молчит, когда ему больно. Как не умеет просить.

Я зажмурилась, натянула одеяло до носа, будто оно могло защитить от мыслей.

Я завтра уеду. Я обязательно уеду. Я не останусь.

Фраза звучала внутри как молитва, но не успокаивала. Наоборот, будто кто-то изнутри шептал: А если не уедешь?

За окном выл ветер. Я услышала, как Саша встал. Скрип дивана. Тяжёлые шаги по коридору. Он остановился где-то у кухни, щёлкнул выключателем, свет полосой просочился под дверь, упёрся в ковёр.

Я лежала не двигаясь. Как будто если я замру, этот дом не заметит меня и отпустит утром обратно на юг.

Потом тишина снова сомкнулась. Свет погас. Саша вернулся на диван.

И я только тогда поняла, что всё это время задерживала дыхание.

Господи. Мы взрослые люди. Бывшие муж и жена. Почему я веду себя, как будто мне семнадцать и я сбежала к бывшему в ночь?

Я уснула под утро. Забылась тяжёлым, рваным сном, когда тело выключается, а голова всё равно продолжает работать.

Проснулась от детского голоса.

– Мам! Мам, смотри! Он меня лижет!

Я подскочила, сердце ударило в горло. На секунду не поняла, где я. Сашина спальня. Его подушка. Его запах – тёплый, мужской, спокойный. И наш сын в дверях, в пижаме, с восторженными глазами и песком в руках.

– Не позволяй ему лизать твоё лицо, – сказала я сразу, слишком резко. – Папа может быть прав, и этот щенок заразный. Нужно показать его ветеринару, и как можно скорее.

Сын замер, обиженно надулся.

– Мам, он хороший. Он как собачка. Я назвал его Снежок.

Я выдохнула, попыталась смягчить голос.

– Я знаю, сынок. Просто осторожнее. Он дикий. Мне нравится кличка Снежок. Ему очень подходит. Хотя Принц ему бы тоже подошло.

Сын кивнул, но глаза у него были такие встревоженные, будто я пытаюсь забрать у него счастье. И от этого мне стало неприятно.

Я вышла в коридор, натягивая на ходу халат, прошла на кухню. Саша уже был там. В футболке, с взъерошенными волосами, с чашкой кофе в руке. Он выглядел так, будто не спал вообще.

Мы встретились взглядами, и всё внутри меня снова напряглось.

– Доброе утро, – сказала я.

– Угу, – ответил он.

Ни улыбки. Ни злости. Просто эта его мужская экономия на словах, которая раньше сводила меня с ума. Раньше я хотела, чтобы он говорил. Сейчас я боялась, что он начнёт.

На столе лежал его телефон. Экран светился сообщениями.

Я сразу увидела слово, которое не хотела видеть: закрыто.

– Трасса? – спросила я, хотя и так знала.

Саша сделал глоток кофе, будто тянул время.

– Тара–Омск закрыта. До улучшения погодных условий. МЧС. Ветер усилился.

Я почувствовала, как в животе становится холодно. Не страх – злость. Бессильная. Детская.

– Но мне нужно – начала я.

– Тебе нужно куда? – перебил он тихо.

И тон был не грубый. Он был опасно спокойный. Такой, от которого хочется оправдываться, даже если ты ничего плохого не сделала.

– Мне нужно вернуться, – сказала я. – У меня работа. У меня жизнь.

– У тебя жизнь, – повторил он медленно. – А здесь что?

– Саша, только не начинай, пожалуйста. Мы же договорились?

Он отвернулся к окну. Там за стеклом было белое месиво. Метель за ночь не стихла – она, наоборот, разошлась. Ветер швырял снег так, что фонарь во дворе исчезал и появлялся, как мираж.

– Я не начинаю, – сказал он. – Я просто спрашиваю.

Я захотела ответить что-то резкое, грубое, но сын сидел на полу рядом с песцом и строил ему домик из коробок. И я проглотила слова. Ради сына. Потому что я действительно не хотела устраивать войну под Новый год.

Я села за стол, начала звонить. Автовокзал не работал. Такси – мы не выезжаем на трассу. Сайт перевозчика – рейсы отменены.

– Мам, – сын подбежал ко мне. – Папа сказал, что мы ёлку поставим!

Я заставила себя улыбнуться.

– Да? – спросила я и посмотрела на Сашу.

Он стоял у плиты и делал вид, что занят приготовлением завтрака. Я увидела, как у него дёрнулась челюсть. Он услышал это папа сказал – и в нём что-то ожило. На секунду.

И мне стало страшно. Потому что когда Саша оживает – он начинает надеяться. А надеяться ему нельзя. Он потом ломается.

– Поставим, – сказала я сыну. – Конечно.

Илья счастливый продолжил возиться со Снежком. Я осталась сидеть с телефоном в руке, как идиотка, которая приехала на пару часов и внезапно оказалась запертой в прошлой жизни.

– Ты можешь не дёргаться, – сказал Саша не глядя. – Никуда ты сегодня не уедешь.

Я резко подняла на него взгляд.

– Ты говоришь это так, будто рад.

– Я говорю это так, потому что это факт, – сказал он. – Погоде плевать на то, что ты там планировала.

– Мне нужно было просто оставить сына и уехать ещё вчера, – сказала я тихо.

– Тебя там мужик ждёт? Ты поэтому так рвёшься назад в Краснодар?

Я хотела возразить. Но в этот момент песец чихнул – смешно, по-детски.

Я посмотрела на зверька и вдруг почувствовала себя глупой. Я ведь действительно думала, что это собачка. Думала, что всё под контролем.

– Я просто не хотела задерживаться, – сказала я уже тише.

Саша молчал. Потом поставил передо мной кружку кофе.

– Пей, Оля, – сказал он. – Ты такая бледная.

Это было почти заботой. И от этого забота резанула сильнее, чем его холодность.

Я взяла кружку. Наши пальцы не соприкоснулись, но я всё равно почувствовала тепло от его руки – не физическое, а какое-то внутреннее. Как воспоминание.

– Спасибо, – сказала я автоматически.

Саша усмехнулся.

– Ты стала говорить спасибо слишком часто, как будто мы чужие.

Я подняла взгляд.

– А мы кто? – спросила я.

– Ты сама решила, что мы чужие.

В груди что-то кольнуло так, что я на секунду перестала дышать.

Я опустила глаза в кружку. Снаружи что-то глухо хлопнуло. Калитка или кусок профнастила. Я вздрогнула.

Саша подошёл к окну, отдернул шторы. Белая стена. Ничего.

– Метель будет ещё минимум сутки, – сказал он. И потом, не оборачиваясь, добавил: – Смирись.

Это слово прозвучало как приговор.

Я посмотрела на сына, на песца, на Сашу у окна – и поняла, что застряла не в городе.

Я застряла в вопросе, от которого не отмахнёшься: если я не смогу уехать, что я буду здесь делать?

Глава 6. Саша

Я вышел во двор с лопатой. Потеплело, но снегу намело почти по пояс. Дорожку к воротам замело полностью, машину пришлось откапывать по контуру, как археологическую находку.

Илья выскочил следом, натянув шапку до самых бровей, в моих старых варежках, которые ему были велики. Лопата у него была детская, пластиковая, смешная, но он держал её серьёзно, по-взрослому.

– Я тоже буду чистить, – заявил он.

– Ладно, – кивнул я. – Только не геройствуй.

Он фыркнул, взялся за работу с таким усердием, будто от этого зависела судьба мира. Я смотрел на него краем глаза и ловил странное, забытое чувство – спокойствие. Настоящее. Не то, которое изображаешь, а то, которое само приходит.

Мы молчали минут десять. Только скрип снега, дыхание, пар изо рта.

– Пап – вдруг сказал Илья.

Я замер, опершись на лопату.

– Мм?

Он ковырнул носком сапога снежный ком.

– А почему вы с мамой не живёте вместе?

Вот так. Без подготовки. Без смягчающих фраз. Детская прямота – самый жестокий инструмент.

Я не ответил сразу. Не потому, что не знал, что сказать. А потому что знал слишком много вариантов – и ни один не подходил.

– Мы не смогли договориться, – сказал я наконец. – Иногда у взрослых так бывает.

– Из-за чего? – не отставал он.

Я усмехнулся. Конечно. Ему мало «иногда».

– Из-за места, – сказал честно. – Мама хотела жить в Краснодаре, а я здесь.

Он нахмурился, явно переваривая информацию.

– Это глупо, – вынес он вердикт. – Можно же просто жить вместе?

Я коротко хмыкнул.

– Иногда взрослым сложнее, чем детям, но да, согласен, глупо... – Мы немного помолчали, занятые делом. – Илья, а у мамы есть жених?

Лопата в моих руках стала тяжёлой. Неприлично тяжёлой.

– Почему ты спрашиваешь? – удивился сын. – Она всегда одна.

Я старался дышать ровно. Спокойно. Не выдать ничего лишнего. Кивнул, будто это вообще не важно. Будто у меня внутри ничего не дрогнуло.

– Она ищет? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал обычно.

Илья посмотрел на меня снизу вверх и вдруг улыбнулся – хитро, по-заговорщицки.

– Она ищет такого, как ты.

Я застыл.

– В смысле? – глупо переспросил я.

– Ну – он задумался, подбирая слова. – Чтобы не болтал глупости. Чтобы умел чинить. Чтобы добрый был. И чтобы меня любил.

Я слотнул.

– И... Как успехи? Нашла? – спросил я, хотя уже знал ответ.

Илья покачал головой.

– Нет. Она говорит, что таких больше нет. Только ты.

Снег вокруг вдруг перестал быть холодным. Или это у меня внутри что-то потеплело – так резко, что стало трудно дышать.

Я отвернулся, чтобы он не увидел моего лица. Сделал вид, что сосредоточенно откидываю снег. Хотя на самом деле просто пытался прийти в себя.

Только я... Господи.

Я рассмеялся. Коротко, хрипло. Сам от себя не ожидал.

– Ладно, шевелись, – сказал я. – Давай заканчивать, а то замёрзнем.

Он радостно кивнул и снова принялся за работу, напевая что-то себе под нос. А я стоял, опершись на лопату, и чувствовал, как внутри меня медленно, осторожно, но очень уверенно поднимается надежда.

Опасная. Глупая. Запрещённая.

Но такая живая, что от неё невозможно отмахнуться.

Когда мы закончили чистить дорожку, я отправил Илью в дом греться и пить чай. Сам остался во дворе ещё на минуту, просто чтобы побыть с этим новым ощущением наедине.

И вдруг рассмеялся. Чёрт возьми, я рассмеялся! Громко, на всю улицу!

Оля не уедет сегодня. И завтра, скорее всего, тоже.

Она останется здесь. Со мной. С Ильёй. С этим дурацким песцом.

Я поднял голову и посмотрел на небо. Снег валил плотной стеной, уверенно, без сомнений. Сибирь делала своё дело.

Спасибо, – подумал я неожиданно.

Потому что если Оля ищет такого, как я то, может быть, у меня ещё есть шанс доказать, что она не ошиблась.

Я вздохнул и пошёл в дом – туда, где было тепло, шумно и слишком живо для человека, который много лет убеждал себя, что одиночество его устраивает. И понятия не имел, что будет, когда дорогу, наконец, откроют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.